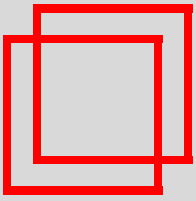


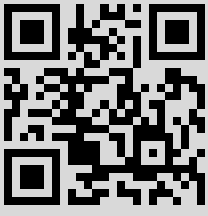
Math-Net.Ru

Общероссийский математический портал

Л. К. Лахтинъ, Николай Васильевичъ Бугаевъ (біографическій очеркъ), *Матем. сб.*, 1905, том 25, номер 2, 251–269

Использование Общероссийского математического портала Math-Net.Ru подразумевает, что вы прочитали и согласны с пользовательским соглашением
http://www.mathnet.ru/rus/agreement

Параметры загрузки:
IP: 172.5.127.196
7 сентября 2019 г., 14:01:48



НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БУГАЕВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Л. К. Лахтинъ.

(Читано въ открытомъ засѣданіи Московскаго Математическаго Общества 16 марта 1904 года).

Рано утромъ 29 мая минувшаго года, близко знавшихъ Николая Васильевича москвичей внезапно поразила вѣсть о его смерти.

Еще наканунѣ вечеромъ его видѣли въ засѣданіи Государственной Испытательной Коммиссіи оживленнымъ, бодрымъ, веселымъ; а къ утру—его уже нѣтъ въ живыхъ!

Часто Николай Васильевичъ говаривалъ, когда его постигала болѣзнь, что онъ хочетъ умереть, какъ солдатъ на посту. Желаніе его сбылось: съ полной энергіей онъ дослужилъ Университету до послѣдняго дня своей жизни. По особому стеченію обстоятельствъ онъ умеръ въ предпослѣдній день весенняго семестра, закончивъ съ обычною пунктуальностью всѣ дѣла по должности декана и предсѣдателя Испытательной Коммиссіи.

Вернувшись въ послѣдній вечеръ домой, со смертельнымъ недугомъ въ груди, онъ радостно разсказывалъ домашнимъ о счастливомъ окончаніи экзаменовъ его учениками; едва ли не этимъ были заняты его мысли въ послѣднія минуты.

Въ своихъ частныхъ бесѣдахъ Николай Васильевичъ нерѣдко говорилъ: «жить—Богу служить». Его жизнь была беззавѣтнымъ служеніемъ родинѣ и наукѣ.

Чуткій ко всему хорошему, крѣпко убѣжденный въ правотѣ своихъ идеаловъ, въ высшей степени общительный,— Николай Васильевичъ не могъ оставаться празднымъ зрителемъ, когда видѣлъ дѣло, требующее работника. Во всякомъ дѣлѣ онъ обнаруживалъ оригинальность, силу мысли, правильность взгляда. Жизнь его не была богата внѣшними событіями, но была кипучая и полная содержанія.

При всей своей отзывчивости Николай Васильевичъ былъ очень стоекъ въ убѣжденіяхъ и всегда вѣренъ самому себѣ. Были мысли, которыя онъ высказывалъ въ юности и которыя красною нитью прошли черезъ всю его жизнь. Это однако не дѣлало его отсталымъ въ старости: какъ глубокій мыслитель, онъ въ молодыхъ годахъ видѣлъ ясно многое, противъ чего тогда спорили и съ чѣмъ впослѣдствіи соглашались.

Отецъ Николая Васильевича былъ военнымъ врачемъ Кавказскихъ войскъ.

Николай Васильевичъ родился на Кавказѣ, въ Душетѣ въ 1837 году. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ посланъ въ Москву, въ 1-ую гимназію.

Характеръ Николая Васильевича вполнѣ сложился уже въ эпоху его ученичества, и почти не мѣнялся въ теченіе всей его жизни. Это придаетъ особенную цѣну слѣдующимъ, приводимымъ мною почти полностью, воспоминаніямъ профессора Н. И. Стороженко *) о юношескихъ годахъ Николая Васильевича.

«Николай Васильевичъ гимназистомъ 7-го класса занималъ небольшую комнату въ подвальномъ этажѣ, рядомъ съ кухнею, изъ которой черезъ недоходившую до потолка перего-

---

*) Считаю долгомъ выразить глубочайшую признательность Николаю Ильичу Стороженко за эти воспоминанія, такъ живо воскрешающія образъ дорогого мнѣ учителя. Позволяю себѣ также принести здѣсь благодарность Дмитрію Петровичу Рашкову и Петру Васильевичу Преображенскому, любезно приславшимъ мнѣ свои воспоминанія о Николаѣ Васильевичѣ въ позднѣйшую эпоху.

родку валилъ кухонный чадъ. Пробывъ не болѣе четверти часа въ этой атмосферѣ, я почувствовалъ головную боль, до того сильную, что просилъ позволенія открыть окно. Къ удивленію моему хозяинъ комнаты, повидимому, не чувствовалъ угара и принялся расхваливать ее, называя ее сухой, теплой, а главное дешевой; съ послѣднимъ, впрочемъ, нельзя было не согласиться, ибо она стоила три рубля въ мѣсяцъ. Послѣ этого посѣщенія я часто видался съ Николаемъ Васильевичемъ. Кромѣ меня его посѣщали гимназическіе товарищи; однако же отношенія его къ нимъ были, хотя хорошія, но довольно отдаленныя; это по всей вѣроятности происходило отъ замкнутости характера Николая Васильевича, который, пройдя суровую жизненную школу, говорилъ охотно обо всемъ, кромѣ самого себя. Однажды, впрочемъ, когда я соблазнялъ его поѣздкой въ Сокольники и удовольствіемъ пить чай въ сосновой рощѣ, онъ проговорился, что не можетъ позволить себѣ это удовольствіе, ибо уже съ четвертаго класса не получаетъ ничего изъ дому и живетъ исключительно уроками. Помнится, что, сдѣлавши эти признаніе, онъ взялъ съ меня слово держать сказанное въ величайшемъ секретѣ. Товарищи, впрочемъ, догадывались объ этомъ и отыскивали для Николая Васильевича уроки. Одинъ изъ нихъ нашелъ ему мѣсто репетитора изъ математики въ пансіонѣ одного француза. И французъ, и Николай Васильевичъ были страстные патріоты и ежедневно послѣ уроковъ между ними поднимался споръ о Севастополѣ.

Французъ доказывалъ, что рано или поздно союзники возьмутъ Севастополь; Николай Васильевичъ утверждалъ, что никогда этого не будетъ, и такъ какъ по-французски онъ говорилъ плохо, то ограничивался многократнымъ повтореніемъ слова jamais!; но за то это слово онъ выкрикивалъ съ такою силой, что совершенно заглушалъ старческій голосъ француза.

Весною 1855 года Николай Васильевичъ окончилъ съ золотой медалью гимназію и сталъ помышлять объ Университетѣ. Но тутъ предъ нимъ возсталъ грозный вопросъ о сту-

денческой обмундировкѣ. Давая грошевые уроки, Николай Васильевичъ не могъ себѣ скопить денегъ на мундирную пару и очутился бы въ самомъ непріятномъ положеніи, если бы къ нему не подоспѣлъ на помощь приснопамятный Филиппъ, портной безъ вывѣски, шившій студентамъ платье въ кредитъ. Благодаря ему, Николай Васильевичъ въ нѣсколько дней превратился изъ плохо одѣтаго гимназиста въ весьма благопристойнаго студента. Поступивъ на Физико-Математическій Факультетъ, Николай Васильевичъ нашелъ себѣ мѣсто учителя въ домѣ Г-жи С., гдѣ прожилъ около трехъ лѣтъ. Это было счастливое время университетской жизни Николая Васильевича. Не заботясь болѣе о насущномъ хлѣбѣ, онъ пересталъ бѣгать по грошевымъ урокамъ, но за то часто появлялся на лекціяхъ тогдашнихъ любимцевъ молодежи: Рулье, Кудрявцева, Буслаева и др. Слушая ихъ, онъ старался пополнить пробѣлы своего общаго образованія. Придя съ лекціи домой, Николай Васильевичъ продолжалъ дѣло самообразованія, изучая капитальныя сочиненія по философіи и политической экономіи, а когда хотѣлъ побаловать себя, то читалъ на распѣвъ стихотворенія своего любимаго поэта Майкова, въ особенности восхищаясь его поэмой «три смерти».

Въ концѣ третьяго или началѣ четвертаго курса Николай Васильевичъ поселился на Пречистенскомъ бульварѣ въ меблированныхъ комнатахъ весьма популярной между студентами Татьяны Ѳедотовны. Это была еще бодрая старуха лѣтъ за 50, на видъ весьма важная и даже суровая, но въ сущности добрѣйшее существо. Всѣхъ номеровъ у Татьяны Ѳедотовны было 5 и, кромѣ того, граничащая съ кухней небольшая каморка, въ коротой помѣщалась она сама. Комнаты были грязноваты и какъ будто закопчены, но за то сухи и теплы; при сдачѣ комнаты новому жильцу Татьяна Ѳедотовна такъ рекомендовала себя: у меня, батюшка, такое правило: жильцы платятъ по первымъ числамъ; кто же не заплатитъ въ срокъ, не прогнѣвайтесь, я 2-го числа сдаю комнату новому жильцу.

Старѣйшимъ и любимѣйшимъ жильцомъ Татьяны Ѳедото-

вны былъ одинъ художникъ; въ молодости онъ подавалъ надежды, мечталъ о поѣздкѣ въ Италію, но не успѣлъ сдать послѣдней работы на золотую медаль и покончилъ свою художественную карьеру, сдѣлавшись ретушеромъ у какого-то фотографа. Подобно всѣмъ другимъ неудачникамъ, онъ обвинилъ во всемъ судьбу и сдѣлалъ выводъ, что имѣетъ право пить съ горя, и широко пользовался этимъ правомъ. Остальныя четыре комнаты, вѣчно пахнувшія мятой и можжевельникомъ, занимали студенты. Въ эту-то мирную обитель осенью 1858 года и попалъ Николай Васильевичъ. Онъ скоро сошелся на короткую ногу съ художникомъ и пріобрѣлъ уваженіе Татьяны Ѳедотовны за свою аккуратность въ расплатѣ и за то, что его не было слышно. Послѣднему обстоятельству Татьяна Ѳедотовна придавала немаловажное значеніе, и когда, бывало, остальные жельцы расшумятся и распоются, она всегда ставила имъ въ примѣръ Николая Васильевича, которому за его тихость предсказывала генеральскій чинъ.

Дружба художника съ Николаемъ Васильевичемъ была какая-то странная. Первоначально каждый изъ нихъ хотѣлъ обратить другого въ свою вѣру. Художникъ пытался усвоить Николаю Васильевичу свой девизъ in vino veritas, а послѣдній—сдѣлать художника шахматистомъ; хотя оба обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, но эта неудача не отразилась на ихъ отношеніяхъ, которыя продолжали быть пріятельскими. Рѣдкій день они не коротали вечера вмѣстѣ. Николай Васильевичъ читалъ вслухъ либо Тургенева, либо Майкова; художникъ, дымя своей папиросой, слѣдилъ за чтеніемъ со свойственной ему загадочной улыбкой и изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія.

Пребываніе Николая Васильевича у Татьяны Ѳедотовны было у него временемъ усиленныхъ занятій философіей и выработки своего собственнаго міросозерцанія. Въ основѣ его лежало положеніе, въ которомъ Николай Васильевичъ хотѣлъ примирить идеализмъ съ реализмомъ: «все относительно, и только въ предѣлахъ данныхъ условій становится абсолютнымъ». Когда Николай Васильевичъ развивалъ это положеніе

предъ своимъ пріятелемъ, иллюстрируя примѣрами изъ естественныхъ наукъ, исторіи, литературы, то послѣдній, удивляясь его учености, не разъ восклицалъ: Николай Васильевичъ, если я хоть слово понимаю, продолжайте!

Въ началѣ 1859 года мы съ Николаемъ Васильевичемъ отпраздновали окончаніе курса скромной трапезой и разъѣхались въ разныя стороны».

Окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, Николай Васильевичъ намѣревался избрать военную карьеру.

Онъ поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ гренадерскій саперный батальонъ съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи саперному батальону, и былъ принятъ экстерномъ въ Николаевское Инженерное Училище въ Петербургѣ. На слѣдующій годъ Николай Васильевичъ сдалъ экзаменъ, произведенъ въ военные инженеръ-прапорщики съ оставленіемъ при Николаевской Инженерной Академіи для продолженія курса наукъ въ теоретическомъ отдѣленіи. Здѣсь онъ, между прочимъ, слушалъ лекціи академика Остроградскаго.

Но эти занятія прервались совершенно неожиданно: недовольные распоряженіемъ начальства объ отчисленіи инженеръ-прапорщика Никонова, товарищи послѣдняго одновременно подали прошеніе о своемъ отчисленіи отъ Академіи, и были опредѣлены на службу въ саперные батальоны. Николай Васильевичъ съ большой неохотой вспоминалъ объ этомъ дѣлѣ и избѣгалъ говорить о немъ; поэтому трудно сказать, какія мысли руководили имъ въ то время. Во всякомъ случаѣ въ жизни его наступилъ рѣзкій поворотъ: онъ оставилъ военную службу и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Но два года, проведенные Николаемъ Васильевичемъ въ Инженерномъ Училищѣ и Инженерной Академіи оставили слѣдъ въ его характерѣ. Николай Васильевичъ высоко цѣнилъ военную дисциплину, порядокъ и точность въ исполненіи работъ. Кромѣ того, онъ получилъ вкусъ къ прикладнымъ знаніямъ и часто проводилъ мысль, что теорія и практика не должны жить обособленно: практика выдвигаетъ интересныя задачи, будитъ мысль, удерживаетъ отъ безплодныхъ темъ и доктри-

нерства; съ другой стороны только серьезная теоретическая подготовка даетъ человѣку практики, инженеру возможность быть хозяиномъ своего дѣла. Эту мысль Николай Васильевичъ развивалъ въ запискѣ «о пользѣ учрежденія техническихъ отдѣленій при Физико-Математическихъ Факультетахъ Университетовъ». Къ той же мысли онъ любилъ возвращаться въ своихъ рѣчахъ въ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній и въ качествѣ Декана Факультета. Николай Васильевичъ любилъ видѣть приложенія чистой науки; отсюда его расположеніе къ Обществу Распространенія Техническихъ Знаній и къ Константиновскому Межевому Институту, который Николай Васильевичъ очень цѣнилъ за его здоровое направленіе, и гдѣ читалъ два года лекціи по высшей математикѣ. Было одно время, когда Николай Васильевичъ склонялся принять на себя чтеніе лекцій въ Московскомъ Техническомъ Училищѣ.

Въ 1863 году Николай Васильевичъ сдалъ магистерскій экзаменъ, защитилъ диссертацію на степень магистра «Сходимость безконечныхъ рядовъ по ихъ внѣшнему виду» и получилъ заграничную командировку на 2½ года для приготовленія къ профессорскому званію. За границей онъ слушалъ лекціи Куммера, Вейерштрасса, Ліувилля, Бертрана, Серре, Шаля, Ламе, Дюгамеля. Изъ числа германскихъ математиковъ Николай Васильевичъ особенно высоко цѣнилъ Куммера, у котораго онъ слушалъ лекціи по теоріи чиселъ, теоріи поверхностей, гипергеометрическихъ рядовъ и по аналитической механикѣ; но въ общемъ онъ ставилъ французскихъ математиковъ выше, чѣмъ нѣмецкихъ. Послѣднихъ онъ упрекалъ въ нѣкоторой узости, кропотливости, отсутствіи широты взгляда. Въ Парижѣ Николая Васильевича особенно привлекали лекціи Серре объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ, Шаля по высшей геометріи, Ліувилля по теоріи эллиптическихъ функцій, Ламе по теоріи упругости.

Въ то время за границей было много молодыхъ русскихъ, командированныхъ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ часы, свободные отъ научныхъ занятій собирались

для бесѣды въ излюбленномъ ресторанѣ. Недостатка въ темахъ не могло быть въ 1863 году, когда горячо обсуждались многіе общественные и политическіе вопросы. Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній инспектора Константиновскаго Межевого Института Д. П. Рашкова, познакомившагося съ Николаемъ Васильевичемъ въ то время въ Берлинѣ: «Я присѣлъ къ группѣ болѣе многолюдной. Мнѣнія были весьма различны, отъ крайняго увлеченія до полнаго равнодушія. Во всѣхъ преніяхъ мнѣнія Николая Васильевича не могли не производить впечатлѣнія наибольшею убѣдительностью. Здравая логика, строгая послѣдовательность и ясность его сужденій и соразмѣрная сдержанность—всѣ эти качества нарисовали передо мною обликъ цѣльной личности Николая Васильевича. Помню его ѣдкія нападки на мнѣнія горячихъ головъ о конфедераціи въ Россіи».

Николай Васильевичъ всегда былъ энергичнымъ сторонникомъ порядка, врагомъ всякаго сепаратизма, убѣжденнымъ патріотомъ, вѣрующимъ въ великое будущее Россіи, въ которой онъ видѣлъ защитницу славянства отъ натиска германизма. Тѣ же мысли были часто темою нашихъ бесѣдъ съ Николаемъ Васильевичемъ въ послѣдніе годы, когда сталъ выходить въ Вѣнѣ журналъ «Славянскій Вѣкъ». Въ статьяхъ этого журнала Николай Васильевичъ постоянно находилъ развитіе тѣхъ мыслей, которыя онъ лелѣялъ всю свою жизнь.

Въ 1865 году Николай Васильевичъ вернулся-изъ за границы и былъ единогласно избранъ факультетомъ въ доценты по каѳедрѣ чистой математики. Въ донесеніи Совѣту объ этомъ избраніи, факультетъ указываетъ, что «докторантъ Бугаевъ» (въ то время Николай Васильевичъ уже представилъ свою докторскую диссертацію) «обладаетъ блестящими математическими способностями и обширными свѣдѣніями».

Вступительная лекція новаго доцента была посвящена введенію въ теорію чиселъ. На этой лекціи Николай Васильевичъ впервые публично высказалъ свой взглядъ на теорію чиселъ, какъ на отдѣлъ науки, долженствующій занять самостоятельное положеніе на ряду съ анализомъ, и съ нимъ равноправное.

Въ то время область теоріи чиселъ еще не была обширна, и самъ Николай Васильевичъ говорилъ о ней слѣдующее: «Конечно, научный матерьялъ, добытый въ этомъ направленіи, не настолько богатъ, чтобы давать полное оправданіе этимъ мыслямъ. То, что сдѣлано, весьма ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что необходимо сдѣлать, чтобы эти идеи перешли въ область дѣйствительности; но то, что уже сдѣлано, въ теоріи чиселъ, достаточно, чтобы побуждать сознаніе къ высшимъ научнымъ цѣлямъ и осмыслить полученный матерьялъ болѣе глубокимъ пониманіемъ».

Всю жизнь Николай Васильевичъ работалъ надъ излюбленной областью. До него изслѣдованія въ теоріи чиселъ носили разрозненный характеръ. Николай Васильевичъ создалъ «ученіе о числовыхъ производныхъ», первый обратилъ вниманіе на «числовыя тождества, находящіяся въ связи съ свойствами символа E» (его докторская диссертація), далъ блестящія «приложенія теоріи эллиптическихъ функцій къ теоріи функцій прерывныхъ», написалъ около 20 мемуаровъ по теоріи чиселъ, гдѣ онъ даетъ, общіе пріемы рѣшенія вопросовъ въ этой новой отрасли математики, пріемы, во многихъ отношеніяхъ напоминающіе методы анализа. Въ концѣ своей жизни Николай Васильевичъ предложилъ назвать отдѣлъ математики, посвященный теоріи прерывныхъ функцій, аритмологіей. Въ рѣчи «Математика и научно-философское міросозерцаніе» прочитанной на Цюрихскомъ конгресѣ и на X съѣздѣ Естествоиспытателей въ Кіевѣ, Николай Васильевичъ, за 4 года до смерти, еще разъ, но еще болѣе увѣренно и отчетливо произнесъ свой научный символъ вѣры. Въ этихъ рѣчахъ Николай Васильевичъ указалъ на различіе воззрѣній аналитическаго и аритмологическаго и на вліяніе этихъ воззрѣній не только въ математикѣ, но и въ естествознаніи и въ философіи. Свою мысль онъ пояснилъ стихотвореніемъ, которое для Цюрихскаго конгреса было переведено прекраснымъ французскимъ языкомъ.

Въ 1864 году при Московскомъ Университетѣ образовался кружокъ любителей математическихъ наукъ, собиравшихся

для чтенія математическихъ рефератовъ у профессора Брашмана. Николай Васильевичъ, вернувшись изъ-за границы, присоединился къ этому кружку. Хотя первоначально кружокъ былъ немногочисленъ, но научныя силы его были очень крупныя. Черезъ 2 года онъ преобразовался въ Московское Математическое Общество, а изъ его рефератовъ за этотъ двухлѣтній срокъ составился 1-ый томъ «Математическаго Сборника».

При началѣ изданія возникъ вопросъ о языкѣ статей новаго журнала. Одно время перевѣшивало мнѣніе, что надо писать на иностранныхъ языкахъ для того, чтобы тѣснѣе связать работы русскихъ ученыхъ съ заграничными. Николай Васильевичъ энергично возсталъ за права русскаго научнаго языка. Онъ самъ былъ прекраснымъ знатокомъ работъ европейскихъ ученыхъ, со многими изъ этихъ ученыхъ онъ былъ лично знакомъ, онъ настаивалъ, чтобы русскіе люди внимательно слѣдили за иностранной научной литературой; но онъ требовалъ отъ иностранцевъ и отъ насъ самихъ уваженія къ русскому языку. Николай Васильевичъ говорилъ, что кто не уважаетъ родного языка, тотъ самого себя не уважаетъ и не заслуживаетъ уваженія другихъ. Когда на русскомъ языкѣ станутъ печататься серьезныя работы, то иностранцы сами начнутъ заниматься нашимъ языкомъ; если же они этого не сдѣлаютъ, то будутъ въ потерѣ они, такъ какъ тогда мы будемъ знать больше ихъ. Эту мысль Николай Васильевичъ отстаивалъ очень горячо: благодаря ему нашъ «Математическій Сборникъ» остался русскимъ, сдѣлался школой русскихъ молодыхъ ученыхъ, и много помогъ выработкѣ русской научной рѣчи. Впослѣдствіи многіе иностранцы завязали сношенія съ нашимъ Математическимъ Обществомъ, пожелали вступить въ его члены и научились понимать русскія работы. Правда, Николай Васильевичъ поплатился за свою любовь къ родному языку тѣмъ, что нѣкоторые заграничные ученые заново находили и приписывали себѣ формулы, давно уже напечатанныя Николаемъ Васильевичемъ на страницахъ «Математическаго Сборника». Но во всѣхъ такихъ случаяхъ Николай

Васильевичъ относился къ ихъ заблужденію очень добродушно и никогда не вступался за свой пріоритетъ. Онъ говорилъ, что всѣхъ его формулъ отнять у него невозможно: ихъ слишкомъ много. Дѣйствительно, общіе методы Николая Васильевича позволяли получать сколько угодно аритмологическихъ теоремъ; а иностранцы, не знавшіе этихъ методовъ, должны были для каждой теоремы придумывать отдѣльное доказательство, обыкновенно, довольно сложное.

Въ февралѣ 1866 года Николай Васильевичъ защитилъ докторскую диссертацію и чрезъ годъ послѣ того (въ январѣ 1867 года) былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ чистой математики. Это избраніе значительно увеличило преподавательскія силы факультета: кромѣ курса теоріи чиселъ (прежде читавшагося Ѳ. А. Слудскимъ—въ то время еще доцентомъ), Николай Васильевичъ сталъ читать исчисленіе конечныхъ разностей, варіаціонное исчисленіе, теорію эллиптическихъ функцій, теорію функцій комплекснаго перемѣннаго. Послѣдній курсъ, насколько я знаю, былъ впервые прочитанъ въ русскомъ Университетѣ Николаемъ Васильевичемъ. Въ Совѣтѣ онъ тоже заявилъ себя дѣятельнымъ членомъ: въ 1869 году онъ былъ избранъ въ попечители о бѣдныхъ студентахъ, съ 1868 по 1882 годъ онъ состоялъ сначала кандидатомъ къ судьямъ, а затѣмъ судьею Университетскаго суда. Въ 1869 году Николай Васильевичъ читалъ актовую рѣчь: «Математика какъ орудіе научное и педагогическое». Конецъ этой рѣчи онъ посвящаетъ памяти своего учителя Николая Ефимовича Зернова. Привожу небольшую выдержку изъ этого мѣста: «Слѣдуя общему ходу моей рѣчи, я остановился на педагогическихъ условіяхъ преподаванія, научныхъ преданіяхъ и нравственной связи, соединяющей различныя поколѣнія, и во мнѣ является невольное желаніе остановиться нѣсколько времени на живомъ образѣ достойнаго учителя. Всякаго слушателя Николая Ѳимовича поражала ясность и простота его слова... Высшею духовною наградою для ученаго служитъ дальнѣйшее развитіе его идей. Ученый, запутывающій ходъ и источникъ своихъ научныхъ построеній, увле-

кающійся чрезмѣрнымъ желаніемъ придать глубокомысліе своимъ идеямъ, впадаетъ въ крайность и придаетъ своимъ соображеніямъ форму, идущую въ разрѣзъ съ его научными цѣлями. Наконецъ, въ самомъ желаніи глубокомыслія проявляется дѣтское малодушіе и отсутствіе внутренняго величія духа. Николай Ефимовичъ постоянно указывалъ, что наиболѣе плодотворныя идеи оказывались всегда наиболѣе простыми, что высшее глубокомысліе для математики есть очевидность и простота».

Эти «научныя преданія и нравственную связь, соединяющую различныя поколѣнія» Николай Васильевичъ въ свою очередь передалъ и заповѣдалъ своимъ ученикамъ: онъ всегда настаивалъ на самой тщательной обработкѣ какъ самой мысли, такъ и ея изложенія; въ своихъ бесѣдахъ по этому поводу онъ нерѣдко говорилъ пословицу: «только сычи да совы въ темнотѣ глубину видятъ».

Изложеніе самого Николая Васильевича, какъ въ изустномъ преподованіи, такъ и въ печатныхъ его работахъ, всегда отличалось полною ясностью и простотою, хотѣлось бы сказать—прозрачностью.

Вскорѣ послѣ произнесенія актовой рѣчи, въ декабрѣ 1869 года Николай Васильевичъ былъ избранъ и утвержденъ въ должности ординарнаго профессора.

Въ эту эпоху дѣятельность Николая Васильевича ярко проявилась въ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній, въ особенности въ жизни только что зарождавшагося Учебнаго Отдѣла. Цѣль учрежденія этого Отдѣла была въ первый же годъ объяснена въ рѣчи Николаемъ Васильевичемъ, какъ товарищемъ предсѣдателя Общества. Въ ней указывалось, что распространеніе и усовершенствованіе техническихъ знаній въ современномъ ходѣ цивилизаціи мыслимо лишь въ связи съ общимъ развитіемъ наукъ и искусствъ. Содѣйствовать распространенію техническихъ знаній значитъ часто дѣйствовать мѣрами общаго характера, средствами, имѣющими силу при томъ просвѣщенномъ пониманіи, которое вноситъ широкій и свѣтлый взглядъ на дѣло. Общее

даетъ частному разумъ, частное даетъ общему жизнь». Здѣсь опять видно стремленіе Николая Васильевича къ тѣсному сближенію теоретическихъ изслѣдованій съ практическими задачами.

Общество, открытое 25 учредителями, въ концѣ 1-го года насчитывало болѣе 500 членовъ. Это былъ какой-то изумительный подъемъ духа и энергіи, который съ трудомъ можно теперь себѣ представить. Однако Учебный Отдѣлъ скоро испыталъ на себѣ тяжелый ударъ*). Вслѣдствіе навѣтовъ нѣкоторыхъ лицъ, предсѣдатель Отдѣла, Стоюнинъ, бывшій инспекторомъ Николаевскаго Института, долженъ былъ выдти въ отставку, и уѣхалъ въ Петербургъ. Это такъ подѣйствовало на членовъ Отдѣла, что Отдѣлъ на 2 года пересталъ существовать. Большинству его членовъ приходило въ голову просто похоронить Отдѣлъ и разойтись по домамъ. Но горячая рѣчь Николая Васильевича 8 апрѣля 1875 года поддержала упавшій духъ собранія.

Отдѣлъ не забылъ, что̀ для него сдѣлалъ Николай Васильевичъ: въ 1894 году, привѣтствуя Математическое Общество съ его 25-лѣтіемъ, Учебный Отдѣлъ упоминаетъ въ своемъ адресѣ, что «онъ обязанъ во многомъ Николаю Васильевичу своимъ основаніемъ и организаціей; ему же онъ обязанъ и возобновленіемъ своей дѣятельности, когда она была прервана на нѣкоторое время».

Осенью 1871 года Николай Васильевичъ получилъ заграничную командировку до начала весенняго семестра. Эта командировка позволила ему завязать болѣе тѣсныя сношенія съ заграничными учеными, между прочимъ доставила ему случай бесѣдовать съ Куммеромъ объ интересовавшихъ его вопросахъ теоріи чиселъ. Къ тому же году относится начало переписки Николая Васильевича съ Гоуэлемъ (Hoüel)—редакторомъ журрала Bulletin des sciences mathématiques, имѣвшаго своею задачею знакомить французскихъ математиковъ

*) Заимствую эти свѣдѣнія изъ отчета А. Е. Грузинскаго „30 лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла“.

съ работами не только своихъ, но и иностранныхъ ученыхъ. По приглашенію Гоуэля, Николай Васильевичъ сталъ посылать въ этотъ журналъ короткія резюме статей «Математическаго Сборника».

Участіе Николая Васильевича въ Совѣтѣ въ эту эпоху замѣтно выразилось въ дѣлѣ избранія М. М. Троицкаго въ ординарные профессоры по каѳедрѣ философіи. Эта каѳедра сдѣлалась вакантною за смертью проф. Юркевича. Филологическій факультетъ рѣшилъ избрать для чтенія философіи одного профессора и одного доцента. Кандидатомъ на профессуру явился М. М. Троицкій, а на доцентуру В. С. Соловьевъ; но вслѣдствіе возникшихъ на Факультетѣ разногласій М. М. Троицкій оказался забаллотированнымъ. Дѣло поступило въ Совѣтъ. Небольшая группа профессоровъ, и въ числѣ ихъ Николай Васильевичъ, представили свои записки. Въ поданномъ имъ заявленіи, Николай Васильевичъ подробно разсматриваетъ мнѣніе противной партіи, ссылавшейся на противорѣчіе во взглядахъ г.г. Троицкаго и Соловьева. Онъ доказываетъ, что такого противорѣчія нѣтъ, а нѣкоторое различіе во взглядахъ двухъ преподавателей философіи можетъ только способствовать полнотѣ преподаванія. Эта записка Николая Васильевича обнаруживаетъ въ немъ не только вполнѣ отчетливое знакомство съ работами обоихъ кандидатовъ, но и большую эрудицію его въ области философіи. Въ результатѣ баллотировки въ Совѣтѣ оба кандидата оказались выбранными: одинъ на должность ординарнаго профессора, другой на должность доцента.

Съ 1878 года Николай Васильевичъ былъ избранъ въ секретари, а съ 1886 года—въ деканы Физико-Математическаго Факультета. Въ послѣдней должности Николай Васильевичъ оставался до конца жизни, съ небольшимъ перерывомъ въ 2 года, когда онъ заболѣлъ острымъ ревматизмомъ. Весь этотъ длинный періодъ отмѣченъ непрерывнымъ энергичнымъ участіемъ Николая Васильевича въ дѣлахъ Факультета. Нерѣдко случалось, что интересы отдѣльныхъ членовъ сталкивались между собою, возникали горячія пренія, приводившія споръ-

нихъ къ неудовольствію другъ противъ друга. Въ такихъ случаяхъ Николай Васильевичъ былъ незамѣнимымъ деканомъ. Всегда спокойный, но съ нѣкоторымъ юморомъ, объективный, но настойчивый, — Николай Васильевичъ былъ по собственному его выраженію, пожарный, умѣвшій искусно тушить всякія вспышки гнѣва и раздраженія. Обыкновенно дѣло, грозившее большими непріятностями, кончалось къ общему удовольствію.

Такова же была дѣятельность Николая Васильевича въ качествѣ предсѣдателя Испытательныхъ Коммиссій въ различныхъ Университетахъ, куда онъ ежегодно командировался, начиная съ 1890 года. Ему пришлось быть предсѣдателемъ Комиссіи въ Одессѣ 3 раза, въ Харьковѣ 3 раза, въ Казани 3 раза, въ С.-Петербургѣ 2 раза, въ Кіевѣ и въ Москвѣ по 1 разу. Всюду онъ оставлялъ по себѣ хорошую память и получалъ при отъѣздѣ выраженія признательности какъ отъ экзаминаторовъ, такъ и отъ экзаменовавшихся.

Въ настоящемъ біографическомъ очеркѣ я не буду касаться разбора научныхъ работъ Николая Васильевича. Такой разборъ найдетъ себѣ мѣсто въ послѣдующихъ рефератахъ. Ограничусь только указаніемъ, что Николай Васильевичъ былъ почетнымъ членомъ Университетовъ Казанскаго и Юрьевскаго, почетнымъ членомъ Московскаго Общества Испытателей Природы, Общества Любителей Естествознанія, Казанскаго Физико-Математическаго Общества, членомъ корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Чешскаго Королевскаго Общества въ Прагѣ, и многихъ русскихъ ученыхъ обществъ. Николай Васильевичъ напечаталъ болѣе 70 мемуаровъ, принималъ дѣятельное участіе въ Русскихъ Съѣздахъ Естествоиспытателей, произнося на нихъ рѣчи, всегда отличавшіяся широтою взгляда и изяществомъ изложенія.

Большинство своихъ научныхъ изслѣдованій Николая Васильевичъ прочиталъ въ формѣ рефератовъ въ Математическомъ Обществѣ. Рѣдкій выпускъ «Сборника» не заключаетъ въ себѣ его работы.

Дѣятельность Николая Васильевича, какъ ученаго и какъ руководителя молодыхъ математиковъ, тѣсно связана съ Математическимъ Обществомъ, въ которомъ Николай Васильевичъ былъ президентомъ съ сентября 1891 года. Онъ видѣлъ въ Математическомъ Обществѣ не только научное учрежденіе, но и школу, въ которой постепенно вырабатываются новыя научныя силы. Онъ близко принималъ къ сердцу первые шаги своихъ учениковъ, ободряя и поддерживая сомнѣвающихся въ своихъ силахъ, останавливая тѣхъ, въ комъ замѣчалъ излишнее самомнѣніе. Онъ поддерживалъ всякое хорошее начинаніе, охотно помогалъ въ выборѣ темы, въ составленіи плана и въ обработкѣ изложенія. Но онъ никогда не оказывалъ на своихъ учениковъ нравственнаго давленія, не стѣснялъ ихъ свободы. Напротивъ, Николай Васильевичъ всегда ихъ предостерегалъ отъ увлеченія модной теоріей или отъ поклоненія авторитету, напоминая при этомъ заповѣдь «не сотвори себѣ кумира».

Черезъ это въ числѣ учениковъ Николая Васильевича были представители всевозможныхъ направленій въ математикѣ, что очень его радовало.

По иниціативѣ Николая Васильевича съ 1892 года при Математическомъ Обществѣ были назначаемы особыя неочередныя засѣданія, гдѣ студенты и окончившіе курсъ, преимущественно оставленные при Университетѣ, пробовали свои силы и дѣлились другъ съ другомъ научными мыслями.

Въ 1900 году 21 марта было назначено публичное засѣданіе Математическаго Общества по поводу выхода въ свѣтъ 20 томовъ «Сборника». Неожиданно для Николая Васильевича члены Общества подготовили къ этому дню чествованіе его какъ своего президента. Большинство присутствовавшихъ въ многолюдной залѣ были ученики Николая Васильевича. Въ произнесенныхъ рѣчахъ, въ присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи привѣтствіяхъ и телеграммахъ отъ различныхъ учрежденій, обществъ и лицъ было высказано признаніе заслугъ Николая Васильевича, всеобщее къ нему уваженіе, горячая любовь къ нему его учениковъ. Собраніе сочиненій Николая

Васильевича въ видѣ 8 большихъ красиво переплетенныхъ томовъ было ему поднесено отъ товарищей по Обществу, какъ внѣшній знакъ уваженія къ его научнымъ работамъ.

Не ограничиваясь преподаваніямъ въ Университетѣ, Николай Васильевичъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ средней и начальной школы. Онъ писалъ учебники, участвовалъ въ различныхъ коммиссіяхъ, возникавшихъ при Округѣ и при Министерствѣ, составлялъ для этихъ коммиссій обширныя записки, не щадя на это дѣло ни труда, ни времени.

Въ своей частной жизни Николай Васильевичъ привлекалъ къ себѣ цѣльностью своей натуры, твердостью убѣжденій, логичностью мысли, своими познаніями въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, и умѣньемъ найти интересную тему для разговора со всякимъ, даже случайнымъ, собесѣдникомъ. Приведу характерный отрывокъ изъ доставленныхъ мнѣ воспоминаній П. В. Преображенскаго: «Однажды, когда я сказалъ одному еще молодому математику (теперь уже заслуженному профессору), что наканунѣ игралъ въ шахматы*) съ Николаемъ Васильевичемъ, то онъ мнѣ отвѣтилъ: Вы прекрасно провели время, но вы провели бы его еще лучше, если бы просто поговорили съ Николаемъ Васильевичемъ».

На мою долю выпало счастье быть однимъ изъ самыхъ близкихъ учениковъ Николая Васильевича, я часто видался съ нимъ на протяженіи почти 20 лѣтъ, и никогда не забуду нашихъ бесѣдъ, въ которыхъ время проходило совершенно незамѣтно.

Въ первый разъ мнѣ случилось быть у Николая Васильевича еще студентомъ 4-го курса; но болѣе близкое знакомство мое съ нимъ началось черезъ 2 года по слѣдующему поводу. Кончался срокъ моего оставленія при Университетѣ;

*) Николай Васильевичъ очень любилъ шахматную игру и не пропускалъ случая помѣриться силами даже съ первоклассными игроками, какъ Ласкеръ, у котораго ему случалось выигрывать партіи.

приходилось хлопотать о заработкѣ, а получить мѣсто преподавателя въ Москвѣ въ то время, безъ рекомендаціи, было очень трудно. Лица, къ которымъ я обращался съ просьбою, обѣщали «имѣть въ виду»; но изъ этого ничего не выходило. Я рѣшился просить о содѣйствіи Николая Васильевича. Онъ принялъ меня сурово, совѣтывалъ, не унывая, хлопотать дальше, и сказалъ, что «академическихъ» обѣщаній никому не даетъ. Но когда черезъ нѣсколько дней я пошелъ къ тогдашнему попечителю графу П. А. Каннисту и снова началъ излагать свою просьбу, то отъ него услышалъ, что Николай Васильевичъ уже у него былъ и далъ мнѣ самую лестную аттестацію. Благодаря этому попечитель тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о моемъ назначеніи на одно изъ вакантныхъ мѣстъ преподавателя гимназіи.

Этотъ случай сразу мнѣ освѣтилъ характеръ Николая Васильевича. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ дѣлалъ очень много добра, но старался это скрыть, и никогда не говорилъ объ этомъ. Ему нерѣдко приходилось испытывать неблагодарность. Онъ ею мало огорчался и говорилъ, что всякое доброе дѣло надо искупить своимъ страданіемъ: иначе, было бы слишкомъ легко дѣлать доброе дѣло.

Съ юныхъ лѣтъ Николай Васильевичъ, рядомъ съ математикой, занимался и философіей. Онъ внимательно изучилъ сочиненія великихъ мыслителей. Самъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ психологическаго Общества, и напечаталъ «О свободѣ воли» и «Основы эволюціонной монадологіи». Положенія, изложенныя въ этихъ работахъ, были продуктомъ долгихъ его размышленій. Николай Васильевичъ часто говорилъ о нихъ съ близкими ему людьми. Эти мысли придавали ему обликъ древняго философа.

Всякое постигавшее его горе или болѣзнь Николай Васильевичъ переносилъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ. По его словамъ, болѣзнь и горе—повинность, которую мы обязаны отбывать безропотно. Онъ находилъ даже присутствіе

духа, чтобы шутить по поводу своей болѣзни. Такъ, за два года до смерти, ему случилось сломать себѣ руку; при перевязкѣ онъ смѣшилъ своихъ докторовъ.

Первые приступы сердечной болѣзни, сведшей Николая Васильевича въ могилу, появились въ концѣ 1902 года. Николай Васильевичъ, видимо, вполнѣ понималъ опасность своего положенія, но оставался по прежнему веселъ, интересовался текущими событіями, скрывалъ свои страданія отъ близкихъ. Такое присутствіе духа не покидало его до послѣдней минуты. Съ тѣмъ же яснымъ спокойнымъ выраженіемъ лица онъ лежалъ въ гробу. Невольно приходили на память слова, которыя онъ такъ часто говорилъ при жизни: «Человѣку свойственно стремленіе къ бытію и благу. Нѣтъ причины бояться смерти: она служитъ только переходомъ къ высшей формѣ бытія».